

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 904(47)+903.25

DOI 10.26456/vthistory/2022.2.169–182

**КОНСПИРОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПАРАНОЙЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА?
РЕЦ. НА: ЯБЛОКОВ И. РУССКАЯ КУЛЬТУРА
ЗАГОВОРА. КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ПЕР. С
АНГЛ. М.: АЛЬПИНА НОН-ФИКШН, 2020. – 430 С.**

В.Б. Аксенов

Институт российской истории РАН, г. Москва

В рецензии анализируется книга И. Яблокова «Русская культура заговора», посвященная политической конспирологии в Российской Федерации. Исследование проведено на открытых источниках, автор связывает развитие конспирологии в России с предвыборными политтехнологиями, интеллектуальными поисками элит, международными информационными войнами, а в качестве одной из своих задач он формулирует попытку избавиться от стигмы параноидального мышления конспирологов, рассматривая теории заговоров как социокультурную норму. Вместе с тем автор рецензии, отмечая высокую актуальность книги, обращает внимание, что анализ конспирологии как культуры требует изучения конспирологического мышления не только элит, но и широких слоев населения, перехода на уровень массового сознания, для чего необходимо расширить как источниковую, так и методологическую базу работы, что позволит исследовать функционирование конспирологии в формах мифов, слухов, паранойи, технологий, художественных образов.

Ключевые слова: конспирология, пропаганда, информационные войны, параноидальное мышление, слухи, политические технологии, массовое сознание.

Информационные войны, пропаганда, постправда, фейки, инфодемия – едва ли без этих понятий можно описать настоящее. Медиа-технологии нередко создают альтернативную реальность, воздействующую на сознание современников. Особую роль играют стратегии, направленные на

манипулирование общественными настроениями путем конструирования образов внешних или внутренних врагов. Неудивительно, что в последнее время психологи, медиаэксперты, журналисты с разной степенью добросовестности и пристрастности обращаются к исследованию форм и

последствий пропаганды, в которой особое место занимают теории заговоров¹. Кроме того, конспирология как художественный жанр становится предметом исследования филологов, культурологов².

Историкам обычно требуется некая перспектива для исследования быстро устаревающей современности, тем интереснее книга кандидата исторических наук, лектора Университета Лидса Ильи Яблокова «Русская культура заговора»³. Книга И. Яблокова – первая попытка исследования политической конспирологии современной России. Работа проведена на открытых источниках, преимущественно размещённых на различных онлайн ресурсах. Фактический материал едва ли удивит новизной тех, кто последние 30 лет следил за политической жизнью страны. Вместе с тем интерпретация политических стратегий с точки зрения конструирования мифов о внешних и внутренних угрозах России, а также предложенная в этой связи периодизация отечественной истории последних десятилетий позволяет по-новому осмыслить современность. Автор связывает последовательно возникающие теории заговоров с интеллектуальными поисками «элит», предвыборными кампаниями, международными информационными войнами, стратегиями противодействия вымышленным и реальным вы-

зовам эпохи. При этом в качестве одной из задач он формулирует попытку избавиться от стигмы параноидального мышления конспирологов, рассматривая теории заговоров как социокультурную норму. Книга состоит из девяти глав, введения, заключения и примечаний, названных «списком литературы».

Историю «русской культуры заговора» автор начинает по традиции с XVIII в., считая, что впервые она была сформулирована в оде Екатерине Второй поэтом Василием Петровым. Возможно, автору следовало упомянуть и тексты средневековой Руси, в которых не сложно найти такие же примеры, тем более что идея заговора тесно связана с мотивом предательства, известного по христианским текстам, а также противостояния сил добра и зла. Забегая вперед, отметим, что Яблоков недооценивает мифологическо-архетипические основы конспирологического мышления. Дальнейшую эволюцию конспирологии Яблоков рассматривает как результат вызовов таких событий и периодов, как поражение в Крымской войне, великие реформы Александра II, Первая российская революция, Гражданская война, Вторая мировая, холодная война. Яблоков замечает, что в самой идеологической основе советской системы, предполагавшей деление мира на своих и чужих, лежали основания для развития конспирологии. По мнению автора, «при

¹ См.: Зыгарь М. Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М., 2016; Бразертон Р. Неверчивые умы: чем нас привлекают теории заговоров. М., 2017; Померанцев П. Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью. М., 2020.

² Амирян Т.Н. Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой. М., 2013.

³ Книга была впервые издана в Кэмбридже в 2018 г. на английском языке под несколько иным названием «FortressRussia. Conspiracy Theories in the Post-Soviet World».

Сталине конспирологический способ мышления занял центральное место» (с. 59). Автор книги отмечает, что в годы холодной войны параллельно складывались две теории заговора: официальная советская и альтернативная, развивавшаяся среди диссидентов-националистов. В постсоветской истории обнаруживается реинкарнация тех же устаревших мифов.

Отталкиваясь от теории М. Фуко о знании как ключе к власти, Яблоков рассматривает постсоветских интеллектуалов-конспирологов в качестве технологов, перераспределяющих власть в обществе. Среди главных провластных конспирологов автор называет Г. Павловского, А. Дугина, Н. Нарочницкую, М. Шевченко, каждому из которых свойственен свой тип конспирологии. Например, «мистическая конспирология» Дугина или «философия» Нарочницкой как «смесь антиглобалистской конспирологии с элементами христианского фундаментализма и советской пропаганды времён холодной войны» (с. 95). Автор обращает внимание на неоригинальность большинства отечественных теорий заговора, заимствованных из западных аналогов и адаптированных под русскую почву (с. 91, 105).

Выстраивая периодизацию «русской культуры заговора» на постсоветском пространстве, Яблоков в качестве одной из реперных точек называет президентскую кампанию в поддержку Б.Н. Ельцина 1996 г., когда агрессивное использование пиар-технологий породило уверенность во всеисильности технологий по манипулированию массовым сознанием. Это в свою очередь подкрепило конспи-

рологическую теорию о том, что распад СССР стал результатом социального программирования советских граждан западными спецслужбами, которую высказывали С. Кургинян, С. Кара-Мурза, а также бывшие офицеры и генералы КГБ (В. Широнин, В. Крючков, И. Панарин). Яблоков отмечает, что сам Ельцин одним из первых стал конструировать конспирологический нарратив вокруг путча ГКЧП, однако в 1998–1999 гг. эти теории стали оборачиваться против президента России: один из главных инициаторов импичмента В. Илюхин обвинял Ельцина в тайном сговоре с США с целью захвата власти и ликвидации СССР. Яблоков считает, что агрессивная антиельциновская кампания конспирологов-политтехнологов, поддерживавших Е. Примакова, в конечном счёте способствовала поддержке кандидатуры В.В. Путина либеральными политиками (с. 142–143). В годы правления Путина теория о развале СССР как спецоперации продолжала эксплуатироваться кремлевскими технологами, в том числе Д. Песковым, однако главным «заговорщиком» был назначен М.С. Горбачев.

Новую веху развития политической конспирологии Яблоков связывает с президентским посланием Федеральному Собранию в 2005 г. и формированием концепции «патриотизма отчаяния». Интерпретируя произнесенную в этом послании фразу Путина о «распаде СССР как величайшей геополитической катастрофе XX века», Яблоков пишет о превращении с этого момента конспирологической теории в доминирующую концепцию, однако автор

здесь допускает неточность: приписывает президенту термин «развал», вместо «распада», тогда как Путин делал акцент на внутренних процессах распада Советского Союза, а также на борьбе «олигархических групп». Изучая смыслы, Яблоков не всегда внимательно относится к риторике. Так, было бы интересно проанализировать частотность и динамику употребления терминов «распад» и «развал» СССР, тем более что современная история России знает примеры «цензуры терминов», когда понятие «реформы» было заменено «мероприятиями», «массовые митинги» – «беспорядками».

На этом этапе происходит оформление выдвинутой В. Сурковым концепции «суверенной демократии», в которой наблюдается некоторое смягчение конспирологической риторики: Запад из категории «врага» России переходит в категорию «бизнес-конкурента». Однако на практике официальное противопоставление России и Запада приводило к распространению конспирологических интерпретаций политики, кроме того, активно эксплуатировалось понятие «русофобии», якобы генетически свойственной всем «другим», служившее доказательной базой для сторонников теории заговора. Деление на «своих» и «чужих» становилось основой патриотического сознания и воспитания, что показывается на примере создания молодежного движения «Наши». Яблоков отмечает, что постепенно конспирология становилась удобным инструментом карательной политики, что проявилось в деле PussyRiot, которое федеральные каналы интерпретировали

как акцию Запада по разрушению православных основ России.

В книге уделено достаточно внимания формированию образа внутреннего врага на примере статуса «иностранный агент». Поправки в закон об НКО 2005 г. рассматриваются как проявление скрытых страхов политтехнологов перед «оранжевыми революциями», так как конспирологи заявляли, что объединенные НКО формируют «инфраструктуру революции». Яблоков обращает внимание и на общественное мнение, со ссылкой на Левада-центр (попавший в список «иностранных агентов») приводит данные, что 43 % респондентов были уверены, что западное финансирование российских НКО связано с попытками влияния на внутреннюю обстановку в России, а 19 % считали, что это связано с борьбой с российским государством. При этом 56 % респондентов полагали, что некоторые НКО ведут шпионаж на территории России (с. 213–214). Как отмечают социологи, поправки в закон об НКО помогли сформировать в обществе устойчивую ассоциацию между понятиями «иностранный агент», «пятая колонна», «шпионаж». Тем не менее автор исследования отмечает, что по мере расширения социальной базы народных протестных настроений кремлевским технологам становилось все сложнее сформулировать четкий образ «внутреннего врага», поэтому разрабатывается предельно абстрактный образ «врагов Путина». Одновременно усиливается риторика ненависти, что иллюстрируется публичным оправдыванием Г. Павловским использования термина «враг» в отношении политиче-

ских оппонентов (с. 227). Яблоков обращает внимание на то, как с помощью конспирологической риторики политика становится всё более эмоциональной и даже подверженной аффектам. Тема политических эмоций исключительно востребована в современной западной политологии⁴. Вместе с тем нельзя не отметить, что о диктате эмоций в политике писали еще российские современники революции 1917 г.: «Мы живем в буре политических эмоций, в хаосе борьбы за власть, эта борьба возбуждает рядом с хорошими чувствами весьма темные инстинкты. Это – естественно, но это не может не грозить некоторым искривлением психики... Политика – почва, на которой быстро и обильно разрастается чертополох ядовитой вражды, злых подозрений, бесстыдной лжи»⁵. По-видимому, подчинение идей эмоциям в политике является универсальной характеристикой периодов социально-политического кризиса.

Четвёртый этап конспирологической эволюции Яблоков связывает с событиями 2014 г. в Украине, когда агрессивная конспирология достигает своего апогея в качестве официальной пропаганды. Яблоков, отмечая лавинообразный поток конспирологических концепций на данном этапе, фокусируется на анализе про-

граммы Д. Киселева, которую считает «ярким образцом русской культуры заговора, ставшей мейнстримом» (с. 260). Теории заговора стали частью российской повседневности, и автор отмечает, что это способствовало консолидации масс вокруг власти. Вместе с тем Яблоков справедливо обращает внимание на то, что пропаганда конспирологии приводит общество к тотальному недоверию к официальным фактам, что в итоге может стать «основой для формирования массового реваншистского политического движения» (с. 288).

Несмотря на то, что большая часть текста посвящена анализу провластных конспирологических технологий, в последней главе разбираются оппозиционные теории заговоров. Среди наиболее резонансных теорий: развал СССР как спецоперация КГБ с целью формирования в дальнейшем «чекистского государства», взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске в 1999 г. как операция ФСБ и пр. Яблоков отмечает универсальность последней теории заговора спецслужб, считая её «отечественной версией терактов 11 сентября» (с. 308). Среди оппозиционных конспирологов автор выделяет О. Кашина, который ввёл в широкий обиход понятие «мурзилки», с помощью которого

⁴ См.: *Westen D.* The Political Brain: The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation. New York, 2007; *Political Emotions* / Ed. by J. Staiger, A. Cvetcovich, A. Reynolds. Routledge, 2010; *Thomson S., Hoggett P.* Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. Bloomsbury Academic, 2012; *Nussbaum N.* Political Emotions: Why Love Matters for Justice. Belknap

Press, 2013; *Emotions in Politics: The Affect Dimension in Political Tension* / Ed. by N. Demertzis. Palgrave Macmillan UK, 2013; *Emotions and Social Change: Historical and Sociological Perspectives* / Ed. by D. Lemmings and A. Brooks. Routledge, 2014; *Wolff N.* Not Quite Hope and Other Political Emotions in the Gilded Age. Oxford University Press, 2019.

⁵ Новая жизнь. 1917. 20 апреля.

развивает теорию о том, что со времён перестройки КГБ удалось внедрить своих агентов в ряды либеральной оппозиции, где они и находятся по сей день. Вызывает удивление отсутствие в книге упоминания ситуации с «Мемориалом», преследования Ю. Дмитриева, противодействия определённых групп гражданскому проекту «Последний адрес», т. к. эти примеры, с одной стороны, сами складываются в теорию «реванша силовиков» за стигматизацию политических репрессий, с другой, могут иллюстрировать упомянутую карательную функцию конспирологии. Впрочем, автор отмечает, что наличие в истории реальных заговоров, а также групп, лоббирующих собственные интересы, иногда затрудняет отделение выдуманного заговора от настоящего. Яблоков отмечает, что именно в авторитарных режимах теории заговора являются активным элементом публичной жизни и неформальной коммуникации (с. 311). Однако данное утверждение вступает в противоречие с выдвинутым в начале книги тезисом о том, что конспирология способствует развитию демократических ценностей.

При всех достоинствах этого оригинального и актуального исследования нельзя не отметить и определённые недостатки, связанные с некоторой фрагментарностью материала, относительно узкой источниковой базой, пробелами в историографии, методологическими огрехами. Последние, на мой взгляд, приводят к серьёзным упущениям и не позволяют всесторонне изучить предмет исследования. Так, уже в самом начале книги автор даёт определение конспирологии и допускает ошибку:

«Теория заговора – это способ восприятия реальности, основанный на идее о том, что миром правят тайные силы» (с. 13). Очевидно, что теория мирового правительства лишь частный случай конспирологических теорий, которые держат под подозрением совершенно разные этнические, религиозные или профессиональные группы, далеко не все из которых по замыслу конспирологов «правят миром». При этом сам автор действительно акцентирует внимание на тех политических теориях заговора, которые эксплуатируют миф о мировом правительстве, рассматривая их в качестве рациональных технологий, интерпретирующих исторический материал с точки зрения ложно понимаемых интересов России, когда, в соответствии с заявлением В. Мединского, история должна соответствовать национальным интересам государства.

Яблоков критикует два сложившихся подхода к конспирологии. Первый, в лице теории Р. Хофстедтера, рассматривает конспирологию как форму параноидального мышления. Автор обращает внимание на утрированность подобного подхода и указывает, что в ряде случаев возникновение теории заговора становится вполне рациональным, сознательным ответом политтехнолога на определённый вызов времени. Вместе с тем Хофстедтер употреблял понятие «параноидальное мышление» не в клиническом смысле, обращая внимания в первую очередь на то, что конспирологи становятся подверженными определённым навязчивым идеям. Рассматривая даже абсурдные теории, Яблоков отрицает наличие каких-то психических девиаций среди

технологов-конспирологов, предлагающая рационалистическую и прагматическую оценки их взглядов: «смесь великодержавия, травмы 1991 г. и расчёта на то, что весь мир живёт по таким же циничным законам» (с. 330). Вместе с тем интервьюировавший российских политиков М. Зыгарь полагает, что в отношении некоторых из них уместно говорить именно об антизападной паранойе⁶. Второй подход рассматривает теории заговоров как инструмент политических манипуляций политическими элитами и контрэлитами, Яблоков также указывает на его ограниченность в связи с тем, что конспирология не обязательно обслуживает политические потребности тех или иных групп, но может выступать и неким мировоззренческим фундаментом. В параграфе первой главы под самоговорящим названием «Теории заговора – это нормально» Яблоков предлагает третий подход к конспирологии как «особенному способу рационального мышления», а также «особенному порталу, через который обсуждаются социальные явления» (с. 34). Вместе с тем, говоря о «рациональном мышлении» конспирологов, автор употребляет и другой термин – вера. Является ли вера элементом рационального мышления? Яблоков отрицает маргинальность конспирологии и считает, что в ряде случаев вера в теорию заговора носит ситуативный характер, связанный с конкретными обстоятельствами, не являясь патологией. При этом автор признает, что «высокий

уровень образования и развитое критическое мышление могут стать фактором, снижающим доверие к конспирологическим идеям» (с. 36). Значит, определённая маргинальность конспирологам всё же свойственна?

Яблоков обращается к «войнам памяти», в которых задействуются в качестве оружия конспирологические интерпретации прошлого, однако данная тема изучена в книге недостаточно. Упомянув проведенное в 2018 г. «Медиалогией» исследование, автор почему-то не комментирует составленный «Медиалогией» рейтинг частотности конспирологических теорий в российских СМИ: с большим отрывом от прочих теорий с 42 % лидирует «заговор историков» (на втором месте с 11,3 % теория о существовании «мирового правительства»)⁷. При этом исследователи «Медиалогии» сделали важное замечание: интерес к «заговору историков» искусственно подогревался публичными высказываниями чиновников (В. Путина, В. Мединского, В. Матвиенко, О. Васильевой, М. Захаровой и др.). Ряд поднимаемых в книге вопросов, как, например, использование теорий заговоров с целью выработки национальной идентичности, следует изучать в контексте исторической политики памяти, которая в последние годы успешно оформляется в самостоятельное направление исторических исследований. Часть разбираемых Яблоковым политических технологий уже была изучена в работах А.И. Миллера, В.Е. Морозова, Н.Е. Копосова,

⁶ Зыгарь М. Указ. соч. С. 400.

⁷ Рувинский В. Почему теории заговоров набирают популярность [https://www.vedomosti.ru/opinion/arti-](https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/05/11/769142-teorii-zagovorov-populyarnost)

[cles/2018/05/11/769142-teorii-zagovorov-populyarnost](https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/05/11/769142-teorii-zagovorov-populyarnost) (дата обращения 16.07.2020).

И.И. Куриллы, О.Ю. Малиновой⁸. Существует и предложенная историками периодизация исторической политики 1990-х – 2010-х гг., которую можно было бы соотнести с этапами развития конспирологии, предлагаемыми Яблоковым. Кроме того, в этом контексте автору рецензируемой книги следовало упомянуть об институализации исторической политики: создании профессиональных исторических обществ (РИО, РВИО, ВИО), законодательных инициативах о противодействии «фальсификации истории в ущерб интересам России», организации исторических парков «Россия – моя история». Отсутствие упоминаний последних в книге Яблокова кажется особенно странным, так как в экспозициях парков, созданных под эгидой Патриаршего совета по культуре, нашли себе место некоторые из упоминавшихся конспирологических теорий (заговор с целью свержения монархии в 1917 г. с участием масонов, англичан, российских либералов, «развал» СССР)⁹.

Критикуя в начале книги психиатрический и технологический подходы к конспирологии, Яблоков тем не менее сам оказывается в плену политехнологических интерпретаций теорий заговоров, ограничиваясь

«элитарной» конспирологией и игнорируя её бытование в массовом сознании широких слоев населения. Необходимо учитывать, что теория заговора не может существовать вне конспирологического мышления как определенной когнитивной особенности, она апеллирует к массовому сознанию и в этом отношении не является самостоятельным феноменом, становится производной. С точки зрения когнитивной психологии конспирологию следует отнести к параноидально-квазирациональному мышлению. Нужно заметить, что параноидальный тип мышления, несмотря на интерпретацию Яблоковым теории Хофстедтера, нормален, время от времени он проявляется почти у всех людей и связывается с повышенной подозрительностью, тревогой вследствие определённого психологического дискомфорта, когда возникает ощущение потери контроля; лишь крайние формы паранойи, сопровождающиеся бредом,

⁸ См.: Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009; Колосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015; Курилла И.И. Политическое «использование истории» в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №1 (21). С. 155-159; Миллер А.И.

Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // Политика. 2014. № 4 (75). С. 49–57; Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 106–123.

⁹ Хазов-Кассиа С. «Россия – моя история». Дилетанты обратились к ученым, победила идеология. <https://www.svoboda.org/a/30201813.html> (дата обращения 16.07.2020).

являются психическими патологиями¹⁰. Д. Фриман рассматривает паранойю в том числе как эмоциональное состояние человека¹¹. Квазирациональность конспирологии проявляется в том, что сторонник теории заговора пытается использовать критическое мышление и выстраивает определённые события в логическую причинно-следственную цепочку, однако при этом он произвольно отбирает факты, часто демонстрируя неспособность отделить главное от второстепенного. «Генерализация частных случаев» рассматривается психологами как один из видов когнитивных искажений. В другом случае учёные говорят об апофении – склонности видеть связи в случайных явлениях. При этом не только сама теория заговора демонстрирует внутренние логические ошибки, но и само мышление индивида оказывается неспособным разрешать противоречия. Психологи М. Вуд, К. Дуглас и Р. Саттон экспериментально обнаружили в мышлении конспирологов «парадокс Шредингера»: опрашивая участников исследования с какой из альтернативных и взаимоисключающих версий о бен Ладене они согласны, выяснилось, что те, кто предполагал, что бен Ладен до сих пор жив, допускали, что он мог быть убит задолго до спецоперации 2 мая 2011

г.¹² Такое состояние одновременной жизни и смерти террориста не смущало опрошенных.

Признавая, с одной стороны, «нормальность» конспирологического мышления, а, с другой, его алогизм и связь с повышенной тревожностью субъекта, следует говорить о том что массовое распространение конспирологических взглядов свидетельствует об определённых изменениях в общественной психологии, повышении общей тревожности социума вследствие неуверенности в завтрашнем дне и потери доверия к официальной информации. Р. Хофстедтер полагал, что именно кризисная эпоха становится благодатной почвой для функционирования конспирологического мышления¹³. Маркером подобного состояния являются массовые слухи, вытесняющие из информационного пространства официальные сообщения. Историки и социальные психологи отмечают, что как правило сами власти жесткой цензурной политикой стимулируют массовое распространение слухов¹⁴.

Периоды социально-психологических кризисов отечественной истории, как, например, период Первой мировой войны и российской революции (1914–1922 гг.), демонстрируют массовое распространение конспирологических слухов, чаще всего

¹⁰ См.: *Brazerton P.* Недоверчивые умы: чем нас привлекают теории заговоров. М., 2017.

¹¹ См.: *Freeman D.* Paranoia: The Psychology of Persecutory Delusions. Hove and New York, 2004.

¹² *Wood, M. J., Douglas, K. M., Sutton, R. M.* Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories // *Social Psychological and Personality Science*. 2012. 3 (6). P. 767–773.

¹³ См.: *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics And Other Essays. Harvard University Press, 1996.

¹⁴ *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С. 360; *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2002.

выражавшихся в различных формах шпиономании (заговор этнических групп против России, заговор генералов, врачей, членов императорской семьи и проч.). Психиатры отмечали, что шпиономания провоцировала развитие мании преследования у рядовых обывателей, врачей, военных, а также становилась формой профессиональной аберрации у чинов полиции, осуществлявших наружное наблюдение за подозреваемыми (См. подробнее: *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020).

Важно отметить, что в большинстве случаев попытки разглядеть в этих слухах политические технологии определенных элитарных групп (либеральных депутатов, «великокозняжеской фронды», аристократических салонов, сотрудников посольств союзных держав, революционеров) – обречены на провал. Массовые конспирологические слухи в своей основе рождались снизу, базировались на архетипических образах «чужих» и питались как фольклорным материалом, так и искаженной в процессе устной передачи официальной информацией. В конце концов абсурдные слухи сыграли фатальную роль в революционных событиях 1917 г. При этом можно отметить безуспешные попытки «технологов» тех лет использовать массовые слухи в своих интересах: после череды неудач на фронте военными властями раздувается кампания по поиску внутренних врагов, однако едва ли они могли представить, что закончится это подозрениями в измене императора и императрицы.

Тем самым не искусственные теории заговоров, разработанные политтехнологами, а идущие снизу массовые страхи становились стимулами для революционных действий. При этом автор книги считает, что главное отличие американской культуры конспирологии от российской заключается в том, что в США конспирология рождается снизу, а в России – сверху. Однако данный вывод не подтверждён никаким эмпирическим материалом, т. к. в книге просто отсутствует анализ массовых конспирологических слухов. Яблоков, сконцентрировавшись на изучении технологией элит, попадает в ловушку политтехнологического подхода, сквозь его призму интерпретируя предмет исследования и в силу этого недооценивает конспирологию как состояние массового сознания общества. При более тщательном исследовании может оказаться, что то, что автор называет «русской культурой заговора», в действительности является характеристикой социально-психологической ситуации, которая складывается в стране в последние десятилетия и производными от которой выступают рассмотренные элитарные теории.

Методологическая недоработанность исследования проявляется также в том, что хотя автор вслед за П. Найтом и называет конспирологию «культурой», не учитывает её игровую, субкультурную форму, взаимодействие с художественным мышлением. При этом сам Найт отмечал, что через продукты развлекательной культуры, «машину желаний», тео-

рии заговоров стали частью обыденного мышления¹⁵. Т.Н. Амирян, отталкиваясь от концепции «конспирологической паники» Д. Братича, пишет о том, что массовая паника стала результатом распространения «жажды катастрофы» потребителями современной попкультуры и останавливается на анализе современного конспирологического детектива¹⁶. Исследователи отмечают также популярность так называемой «фактологической фантастики» (factual fiction), примером которой выступает книга С. Джордж «Доклад Лугано». Тем самым конспирология оказывается элементом массовой культуры, но называть это особенностью исключительно эпохи постмодерна нельзя: во время кризиса 1914–1917 гг. беллетристика также эксплуатировала массовые слухи и страхи обывателей, именно в это время родился отечественный шпионский детектив, основоположником которого считается сын «бабушки русской революции» Н.Н. Брешко-Брешковский, коллективные фобии проникали и в кинематограф, а конспирологические слухи российской революции перед «бандой черного автомобиля» питали творчество А. Грина, В. Франчича, М. Булгакова. Политическая и культурная сфера находятся во взаимодействии, и многие современники обращают на это внимание. Так, М. Зыгарь, говоря о представлениях Н. Патрушева о мировом антиросийском заговоре, описывает, какое

впечатление произвёл бытовой американизм фильма «Брат-2» на президента и директора ФСБ¹⁷. Книге «Русская культура заговора» не хватает подобных связей.

В последнее время к теме конспирологии часто обращаются в связи с изучением современного сетевого общества. Исследователи обращают внимание, что сетевые технологии контекстной рекламы навязывают случайным посетителям конспирологических групп, страниц ссылки на другие аналогичные публикации, создавая в итоге некий информационный пузырь, который искажает восприятие реальности попавших в него людей. Однако эта опасность актуальна не только для рядовых граждан, но и представителей власти, которые пользуются не открытой сетевой, а закрытой внутренней информационной инфраструктурой. Современная технология выстраивания национальной идентичности, основанная на противостоянии «своих», отстаивающих «традиционные ценности», с «чужими» формирует представления о существовании глобального антиросийского заговора. В этих технологиях исторической науке вновь отводится место идеологии, однако перепроизводство конспирологических сюжетов в относительно закрытой властной элите создает тот же самый информационный пузырь, взгляд изнутри которого меняет оптику и приводит к искажениям образов внешнего мира. К примеру, в риторике государственных мужей все чаще фигурирует словосочетание «коллективный Запад».

¹⁵ См.: *Naïm P.* Культура заговора. М., 2010.

¹⁶ См.: *Bratich J.Z.* Conspiracy Panics: Political Rationality and Popular Culture. State

University of New York Press, 2008; *Амирян Т.Н.* Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой. М., 2013.

¹⁷ *Зыгарь М.* Указ. соч. С. 397.

Возвращаясь к предмету настоящей рецензии, можно ещё раз подчеркнуть огромную актуальность темы исследования И. Яблокова. При этом анализ конспирологии как совокупности культур (массовой и элитарной, художественной и политической) требует комплексного подхода, более разнообразной источниковой базы (например, художественных

произведений, публикаций и комментариев в соответствующих группах социальных сетей) и методологии, позволяющей исследовать функционирование конспирологии в формах мифов, слухов, паранойи, технологий, художественных образов как на уровне общественных настроений, так и стратегий властей.

Список литературы:

1. *Амирян Т.Н.* Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой. М., 2013.
2. *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4(69). С. 106–123.
3. *Бразертон Р.* Недоверчивые умы: чем нас привлекают теории заговоров. М., 2017.
4. *Зыгарь М.* Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М., 2016.
5. *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.
6. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.
7. *Курилла И.И.* Политическое «использование истории» в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1(21). С. 155–159.
8. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
9. *Миллер А.И.* Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // Политика. 2014. № 4(75). С. 49–57.
10. *Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
11. *Найт П.* Культура заговора. М., 2010.
12. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2002.
13. *Померанцев П.* Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью. М., 2020.
14. *Рувинский В.* Почему теории заговоров набирают популярность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/05/11/769142-teorii-zagovorov-populyarnost> (дата обращения 16.07.2020).

15. *Хазов-Кассиа С.* «Россия – моя история». Дилетанты обратились к ученым, победила идеология [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30201813.html> (дата обращения: 16.07.2020).
16. *Bratich J.Z.* Conspiracy Panics: Political Rationality and Popular Culture. State University of New York Press, 2008.
17. *Freeman D.* Paranoia: The Psychology of Persecutory Delusions. Hove and New York, 2004.
18. *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics And Other Essays. Harvard University Press, 1996.
19. *Nussbaum N.* Political Emotions: Why Love Matters for Justice. Belknap Press, 2013.
20. *Thomson S., Hoggett P.* Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. Bloomsbury Academic, 2012.
21. *Westen D.* The Political Brain: The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation. New York, 2007.
22. *Wolff N.* Not Quite Hope and Other Political Emotions in the Gilded Age. Oxford University Press, 2019.
23. *Wood, M. J., Douglas, K. M., Sutton, R. M.* Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories // Social Psychological and Personality Science. 2012. 3 (6). P. 767–773.

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия, Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19), e-mail: vlaks@mail.ru

CONSPIRACY IN MODERN RUSSIA: PARANOIA, TECHNOLOGY, CULTURE? REVIEWED IN: YABLOKOV I. RUSSIAN CULTURE OF CONSPIRACY. CONSPIRACY THEORIES IN POST-SOVIET SPACE. TRANSLATED FROM ENGLISH: ALPINA NON-FICTION, 2020. 430 С.

V.B. Aksenov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The review analyses I. Yablokov's book "Russian Culture of Conspiracy" dedicated to political conspiracy in the Russian Federation. The study is based on open sources, the author connects the development of conspiracyology in Russia with pre-election political technologies, intellectual quests of elites, international information wars, and he formulates as one of his tasks an attempt to get rid of the stigma of paranoid conspiracy thinking, considering conspiracy theories as a socio-cultural norm. At the same time, the author of the review, noting high relevance of the book, draws attention to the fact that the analysis of conspiracy as a culture requires studying the

conspiracy thinking not only of the elite, but also of the general public, moving to the level of mass consciousness, which requires expanding both the source and methodological base of the work, allowing studying conspiracy theory functioning in the forms of myths, rumours, paranoia, technology and artistic images.

Keywords: conspiracy, propaganda, information war, paranoid thinking, rumour, political technology, mass consciousness.

About the author:

AKSENOV Vladislav Benovich – Doctor of History, Docent, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia, D. Ulyanov St., 19), e-mail: _

References

- Amiryan T.N., *Oni napisali zagovor. Konspirologicheskij detektiv ot Dena Brauna do Yulii Kristevoj*, M., 2013.
- Achkasov V.A., «Politika pamyati» kak instrument konstruirovaniya postsocialisticheskikh nacij, *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2013, T. XVI, № 4 (69), S. 106–123.
- Brazerton R., *Nedoverchivye umy: chem nas privlekayut teorii zagovorov*, M., 2017.
- Zygar' M., *Vsya kremlevskaya rat'. Kratkaya istoriya sovremennoj Rossii*, M., 2016.
- Kabanov V.V., *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: Kurs lekcij*, M., 1997.
- Koposov N., *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii*, M., 2011.
- Kurilla I.I., *Politicheskoe «ispol'zovanie istorii» v sovremennoj Rossii*, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 4: Istoriya, Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, № 1(21), S. 155–159.
- Malinova O.Yu., *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlast-vuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti*, M., 2015.
- Miller A.I., *Politika pamyati v Rossii: God razrushennykh nadezhd*, *Politiya*, 2014, № 4(75), S. 49–57.
- Morozov V.E., *Rossiya i Drugie: identichnost' i granicy politicheskogo obshchestva*, M., 2009.
- Najt P., *Kul'tura zagovora*, M., 2010.
- Ol'shanskij D.V., *Psihologiya mass*, SPb., 2002.
- Pomerancev P., *Eto ne propaganda. Hroniki mirovoj vojny s real'nost'yu*, M., 2020.
- Ruvinskij V., *Pochemu teorii zagovorov nabirayut populyarnost'* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/05/11/769142-teorii-zagovorov-populyarnost> (data obrashcheniya 16.07.2020).
- Hazov-Kassia S., «Rossiya – moya istoriya». *Diletanty obratilis' k uchenym, pobedila ideologiya* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30201813.html> (data obrashcheniya: 16.07.2020).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022 г.